

УДК 94(477)«171/178»

МЕЩАНЕ И КРЕСТЬЯНЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СТАРОДУБСКОГО ПОЛКА (1654–1781)

Е. В. ХРОЛЕНОК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлено социальное положение посполитых – мещан и крестьян Стародубского полка. Отражены процессы установления городского самоуправления в Стародубе, образования мещанской элиты и последующего ее слияния с привилегированным казачьим сословием. Описано социальное положение сельских жителей Стародубского полка. Указаны характерные отличия пограничного белорусско-русско-украинского региона от других земель, входивших в состав Российской империи.

Ключевые слова: Стародуб; мещане; крестьяне; посполитые; Гетманщина; Стародубский полк; социальная эволюция.

МЯШЧАНЕ І СЯЛЯНЕ Ў САЦЫЯЛЬНАЙ СТРУКТУРЫ СТАРАДУБСКАГА ПАЛКА (1654–1781)

Я. В. ХРАЛЯНОК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлена сацыяльнае становішча пасполітых – мяшчан і сялян Старадубскага палка. Адлюстраваны працэсы ўстанаўлення гарадскога самакіравання ў Старадубе, утварэння мяшчанскай эліты і наступнага яе зліцця з прывілеяваным казачьым саслоўем. Акрэслена сацыяльнае становішча сельскіх жыхароў Старадубскага палка. Адзначаны характэрныя адрозненні пагранічнага беларуска-расійска-ўкраінскага рэгіёну ад іншых зямель, якія ўваходзілі ў склад Расійскай імперыі.

Ключавыя словы: Старадуб; мяшчане; сяляне; пасполітыя; Гетманшчына; Старадубскі полк; сацыяльная эвалюцыя.

TOWNSPEOPLE AND PEASANTS IN SOCIAL STRUCTURE STARODUB REGIMENT (1654–1781)

E. V. KHROLENOK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The territory of the Starodub regiment is unique in historical terms. Being the center of the region of the Grand Duchy of Lithuania, it was one of its lands able to gain a foothold in the Getman Ukraine. At the same time, Starodubshchina is now the only part of the Hetman region that is part of the Russian Federation. Thus, the region has incorporated traditions, culture

Образец цитирования:

Хроленок ЕВ. Мещане и крестьяне в социальной структуре Стародубского полка (1654–1781). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021; 3:71–79.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-71-79>

For citation:

Khrolenok EV. Townspeople and peasants in social structure Starodub regiment (1654–1781). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:71–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-71-79>

Автор:

Евгений Валерьевич Хроленок – соискатель кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Evgeniy V. Khrolenok, competitor at the department of Russian history, faculty of history.
khrol83@gmail.com

and legal customs of all three states, on the border of which it is now located. Despite the considerable interest in the history of the Starodub regiment as a whole, the social history of ordinary rural and urban residents remains poorly understood. The aim of this work is an attempt to illuminate the social situation of the *pospolits*: townspeople and peasants of the Starodubsky regiment from the moment the Cossack administration was established in the region in 1654 until the population of this region was subordinated to general imperial Russian standards. And also to reveal the characteristic differences of this region. The article was created on the basis of the analysis of various, including little-studied documents stored in the archives of Belarus, Ukraine and Russia, as well as the works of Russian and Ukrainian scientists. The process of establishing city self-government in Starodub and the formation in its midst of a unique elite – noble bourgeois is shown. Many representatives of this social group went through the process of evolution from urban dwellers to Cossack foreman and the subsequent Russian nobility over the indicated period. In addition, the social status of rural residents of the Starodub regiment is described. Which with the establishment of the Cossack administration received personal freedom, but by the end of the 18th century completely lost her. The examples of residents of specific settlements show the methods that the peasants resorted to trying to avoid dependence on large landowners, as well as the process of distinguishing between the *pospolits* and the Cossack class. At the same time, emphasis was placed on the characteristic differences in the social status of urban and rural residents of the Starodub regiment from other lands that were part of the Russian Empire. The totality of the facts revealed in this way reinforces the main thesis about the complexity and versatility of this Belarusian-Russian-Ukrainian region.

Keywords: Starodub; townspeople; peasants; *pospolits*; Hetmanate; Starodub regiment; social evolution.

Социальная история является востребованным направлением исследований. Большое внимание уделяется изучению истории Украины периода Гетманщины, в частности истории Стародубского полка. В условиях белорусско-украинско-российского пограничья сформировался самобытный регион. Специфика Стародубщины создает уникальный пласт для исследований. Полагаем, что история социального состава здешних жителей, уклада общественной жизни и взаимоотношений между сословиями в данном регионе выделяют его в хронологическом и пространственном разрезе. Сегодня значительная часть территории бывшего Стародубского полка находится в составе Российской Федерации. В соответствии с административно-территориальным делением бывший Стародубский полк занимает Красногорский, Новозыбковский, Злынковский, Гордеевский, Клинцовский, Климовский, Суражский, Унечский, Стародубский, Почепский и Погарский районы Брянской области Российской Федерации, Новгород-Северский район Черниговской области Украины и часть Ветковского района Гомельской области Республики Беларусь. Этот факт подчеркивает исторические особенности региона на фоне других областей современной Центральной России. Полагаем, что происходящие геополитические и региональные события заставляют все чаще обращаться к социальной истории таких пограничных регионов, как Стародубщина. Очевидно, что в прошлом можно найти истоки и причины актуальных контрверсионных социальных явлений. Надеемся, что изучение социального опыта позволит прогнозировать сложные процессы современности и проводить взвешенную социально-ориентированную политику. Также можно говорить об эвристической ценности исследований трансграничных регионов, так как на их примере можно увидеть модель будущего мультикультурного

мира. Интересен и сам опыт гетманской Украины в ее локально-исторических проявлениях.

Целями данной работы являются выявление характерных отличий социального положения мещан и сельских жителей Стародубского полка, а также описание динамики взаимоотношений между указанными социальными группами. Перед нами стоят следующие задачи: проследить процесс формирования и развития мещанского сословия в Стародубе и связанного с ним крестьянского населения на протяжении всего периода его вхождения в состав земель Запорожского войска как центра одноименного полка – военно-административной единицы; описать инкорпорацию мещанского населения Стародуба в общую сословную структуру Российской империи во время имперских реформ, проводимых в Малороссии в период правления императрицы Екатерины II; обозначить характерные черты социального положения мещан Стародуба. Полагаем, что такой подход может иметь определенную научную новизну в изучении региональной и социальной истории пограничья, а также истории повседневности Гетманщины.

К теме податного населения Стародуба исследователи обращались в разное время. Особого внимания заслуживает работа А. М. Лазаревского, основная часть которой посвящена истории землевладения в регионе в дореволюционный период [1], а также изданные В. Л. Модзалевским акты о стародубском магистрате, дающие представление о повседневных взаимоотношениях жителей полка [2]. История городского населения Стародуба привлекала внимание и в советское время. Однако эти работы имеют идеологическую специфику, связанную с внутренней политикой государства [3]. В новейшей историографии следует отметить работу российского историка С. Н. Бирюкова, анализирующего положение мещан Стародуба в XVIII в.¹

¹Бирюков С. Н. Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. 31 с.

Абсолютное же большинство исследований по социальной истории Стародубского полка принадлежат украинским ученым. Так, в этом ряду следует назвать таких авторов, как П. Пирог, описавший социально-экономическую жизнь Стародуба во второй половине XVII в. [4], И. Кривошея, показавший процесс слияния мещанской верхушки Стародуба с казацкой старшиной [5], И. Сердюк, проанализировавший демографическое положение городских жителей по данным Генеральной описи Малороссии 1767 г. [6], Ю. Волошин, исследовавший положение и демографию жителей раскольничьих слобод [7].

Источниковой базой настоящей работы являются документы из архивов Беларуси, России и Украины. Процесс зарождения мещанского сословия в Стародубе можно проследить по документам Литовской метрики, хранящимся в ф. КМФ-18 Национального исторического архива Беларуси (НИАБ). В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в ф. 124 «Малороссийские дела» и ф. 129 «Малороссийский приказ» также обнаружено значительное количество документов, затрагивающих различные аспекты социальной истории региона. Основной же массив источников по этой теме хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве (ф. 51 «Генеральная войсковая канцелярия», ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия» и ф. 208 «Стародубский городской магистрат»).

Впервые Стародуб упомянут в 1080 г. как уже достаточно укрепленный город. Впоследствии он входил в состав Черниговского и Брянского княжеств. С конца XIV в. стал центром одноименного княжества в ВКЛ, а с начала XVI в. – Московского государства, к тому моменту уже являясь значительным поселением. Так, во время Стародубской войны (1534–1537) город обороняло 15–20 тыс. человек [1, с. 141]. Тогда же его полностью уничтожили, однако вскоре он был отстроен и к концу XVI в. наряду с г. Почепом и г. Новгород-Северским занимал важное место в системе пограничных укреплений Московского государства. Пограничное положение города способствовало развитию торговли и, как следствие, росту экономического благосостояния. Кроме того, уже в начале XVII в. Стародуб являлся также местом сбора таможенных пошлин².

По условиям Деулинского перемирия 1618 г. между Речью Посполитой и Московским государством Стародуб вновь вошел в состав ВКЛ, став центром повета Смоленского воеводства. Вероятно, желание новых властей стимулировать экономический рост пограничного торгового города вылилось в предо-

ставление Стародубу Магдебургского права королем Сигизмундом III в 1620 г. Среди прочего в грамоте для Стародубской ратуши было определено: «...доходы с комор, двор гостиный, баня, повинности с купеческих промыслов, мельницу и земли под Стародубом, и позволено в меских грунтах мостовое собирать» [1, с. 142]. Этой же грамотой в городе вводилось самоуправление. Позже такие же права получили г. Мглин, г. Погар и г. Почеп. В документах Литовской метрики существует привилей об утверждении войта в Стародубе уже новым королем Владиславом IV в 1633 г.³ Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что к 1630-м гг. в городе уже был образован и полноценно функционировал магистрат. В него, по общему правилу, кроме войта входили бурмистры, райцы и лавники, избиравшиеся ежегодно. В руках магистрата находилась и судебная власть. Факт обретения самоуправления стал определяющим в истории Стародуба и положил начало зарождению городского сословия мещан, которое окончательно оформилось уже ко второй половине XVII в.

В 1654 г. в результате череды народных восстаний территория всего Стародубского повета вошла в состав Запорожского войска, образовав одноименный полк с центром в Стародубе. В это время происходило массовое показачивание населения. Жители городов также записывались в казаки. Во время приведения к присяге царю Алексею Михайловичу в феврале 1654 г. прибывшие из Москвы переписчики и вовсе не обнаружили в Стародубе мещан. Этот факт казацкая старшина объяснила тем, что «у них в городах и местечках мещан нет»⁴. Однако с окончанием народно-освободительной войны во главе с Богданом Хмельницким у стародубцев, вероятно всего, отпала необходимость нахождения в казачьем сословии. Вскоре после Переяславской рады 1654 г. население стало возвращаться к прежнему образу жизни. Уже в 1656 г. есть сведения о наличии войта в Стародубе, которым стал Корней Молявка [1, с. 143], записанный в присяжных листах 1654 г. казаком⁵.

После вхождения в состав земель Запорожского войска социальная система Стародубщины была представлена двумя сословиями: казаками, которые должны были нести воинскую службу, и посполитыми – крестьянами и мещанами, которые платили налоги и несли повинности. При этом и те и другие обладали личной свободой, что было нехарактерно для других регионов Московского государства. Казаки заменили в социальной иерархии шляхту и получили безусловное право на владение землей. Крестьяне

²Дозорная книга Стародуба-Северского за 1614 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Суздаль. Кн. 1. Л. 570 об.

³Королевские привилегии, пожалования и подтверждения разного рода сделок в Смоленском воеводстве за 1633–1641 гг. // НИАБ. Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 108. Л. 13.

⁴Переписная книга Нежинского полка за 1654 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1654. Д. 3. Л. 588.

⁵Там же. Л. 606.

же, в свою очередь, хоть и обладали личной свободой, но вынуждены были нести повинности в пользу собственника земли. Городское население также формально являлось частью посполитого сословия. На первоначальном этапе его правовое положение не отличалось от крестьянства: вплоть до середины XVIII в. источники фиксируют в отношении горожан использование термина «посполитые»⁶. Использование же такого понятия, как «мещане», не имело какой-либо системы. Так, в некоторых случаях мещанами называются все свободные жители города⁷, в других – урядники магистрата и члены городских цехов⁸, в третьих – термин распространяется лишь на городское правительство⁹.

Процесс обособления мещан от других посполитых жителей впервые четко проявился в Генеральной описи Малороссии 1767 г., где они были указаны отдельным сословием [6, с. 176]. Но все же полагаем, что наиболее верным будет отождествлять с мещанами все свободное посполитое население городов Стародуба, Погара, Почеп, Мглина и Новгород-Северского (за исключением духовенства и иностранцев).

Кроме того, необходимо отметить, что сословие мещан в России на официальном уровне закрепились лишь во второй половине XVIII в. во времена императрицы Екатерины II¹⁰. Таким образом, жители являвшегося частью Московского государства еще в начале XVII в. Стародуба, волею судьбы попав сначала в состав ВКЛ, а затем в гетманскую Украину, уже к середине XVII в. получили значительно большие привилегии по сравнению с жителями других городов современной Центральной России.

Сохранились книги стародубского магистрата, датированные 1664 г. Сам факт их существования говорит об устоявшейся системе самоуправления в городе. Из их содержания известно, что в 1664 г. в Стародубе был войт, обладавший судебной властью как над горожанами, так и над жителями сел. Проживало значительное количество мещан, среди которых встречались купцы и ремесленники. Некоторые из числа последних имели более высокий социальный статус по сравнению с другими и вместе с войтом принимали участие в судебных заседаниях [1, с. 75, 92]. При рассмотрении дел, в которых участвовали казаки, заседание велось войтом совместно с казацким полковником либо лицом, его замещавшим. На протяжении исследуемого периода суды во время разрешения вопросов опирались на

Статут ВКЛ 1588 г. и «Саксонское зеркало», несколько адаптированные к местным обычаям¹¹.

В ведении стародубского магистрата уже в начале 1660-х гг. находилось значительное количество сел, населенных лично свободными крестьянами. Они должны были нести повинности на пользу городской ратуши. Такие крестьяне получили название «волоское посполитство». Основной повинностью, возложенной на горожан и жителей ратушных сел, было содержание войска – сначала только местного, а затем и расквартированного на территории полка московского. Земли, находившиеся в ведении магистрата, делились на волости, управляемые волостными сотниками, в каждом населенном пункте был свой войт. Эти представители власти были ответственными за сбор «волоского побора», который направлялся на нужды войска и «на потребу расходов меских». Уже в 1664 г. суммы такого «побора» были собраны с семи волостей [1, с. 79–80]. Таким образом, после вхождения в состав Московского государства в Стародубе, несмотря на отсутствие официального подтверждения Магдебургского права царскими властями, продолжала действовать система, установившаяся во времена ВКЛ. Данные обстоятельства, безусловно, способствовали возвращению в посполитое сословие значительного количества бывших казаков уже в течение первых лет. Так, например, достоверно известно, что после окончания русско-польской войны 1654–1667 гг. многие из казаков с. Душкино Топальской сотни «за одиночеством и за малодистию детей» вместе со своим казацким грунтом «вписывались под ратушу»¹² (записывались в сословие посполитых).

По результатам посольства с участием стародубского войта Андрея Шабловского в 1665 г. московским царем Алексеем Михайловичем была подтверждена грамота Сигизмунда III о наделении Стародуба Магдебургским правом. Безусловно, факт его официального подтверждения дал толчок дальнейшему развитию города. Именно это и способствовало окончательному формированию мещанской элиты. Уже в январе 1666 г. в соответствии с царской грамотой был избран магистрат – «уряд меский». В него вошли войт Андрей Шабловский, старший бурмистр Яков Маркович, бурмистр Лаврин Яковлевич, старший райца Иван Низовец, райцы Тимофей Нагаско, Петр Шашонок, Костя Ларионович, старший лавник Григорий Григорьевич, лавники

⁶Ревизия Стародубского полка за 1748 г. // Центр. держ. іст. арх. України в м. Києві (ЦДІАК). Ф. 80. Оп. 2. Спр. 314. Л. 496.

⁷Книга переписная Черниговских сел и деревень за 1721 г. // Арх. внешн. политики Рос. империи М-ва иностр. дел Рос. Федерации (АВПРИ). Ф. 124. Оп. 1. Д. 62. Л. 72 об.

⁸Там же. Л. 343.

⁹Книга присяг Малороссийских войск. 1731 г. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 103. Д. 8250. Л. 541.

¹⁰Бирюков С. Н. Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. С. 28.

¹¹Там же. С. 7, 28.

¹²Дело о казацестве жителей с. Душкино. 1738 г. // ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 6772. Л. 43.

Иосиф Малявка, Иван Хламота, Елисей Максимович, писарь Василий Афанасович Бернацкий, а также 12 посполитых «от миру упрощенных». У старшего райца была «печать большая меская и скрынка з доходов належачих и книги», у старшего лавника – малая печать и «увязчее» [1, с. 73–94]. Вероятно, все эти люди и до официального подтверждения Магдебургского права имели более высокий социальный статус по сравнению со статусом других горожан.

В 1666 г. после подписания Московских статей гетманом Иваном Брюховецким царское правительство приняло решение о переписи податного населения Малороссии. Перепись городов Стародуба, Погара и Почапа 1666 г. является ценнейшим источником информации по истории края, который до настоящего времени очень мало освещен в историографии. Данный документ подтверждает указанный состав магистрата в городе, а также наличие в Стародубе «меских» сотников и десятников. Кроме того, перепись содержит два списка выборных мещан Стародуба¹³, которые не ограничивались лишь членами магистрата. Данное обстоятельство позволяет сделать предположение о том, что уже на данном этапе в городе существовала группа горожан, чей социальный статус был выше статуса других жителей. Причем такие «знатные мещане» не обязательно являлись членами городского правительства.

Наличие значительного количества торговых людей в городе говорит о том, что к тому времени в Стародубе уже было развито купечество. Можно судить и о развитии в городе различных промыслов. Среди жителей встречались злотники, швецы, кравцы, слесари и др. Интересно, что к мещанам причислены пушкарки «меские», возглавляемые атаманом. Большая же часть горожан продолжала заниматься земледелием. При этом многие из жителей не имели ни промыслов, ни пашни, ни коней с волами. Они жили в землянках, но подлежали налогообложению в размере половины злото́го. Самые зажиточные горожане обязаны были вносить в царскую казну по две копы грошей¹⁴.

В 1666 г. стародубский магистрат имел значительные владения в уезде, разделенные на сотни и станы. Практически во всех селах были дворы, чьи владельцы отбывали повинности на пользу ратуши. Все они были обязаны платить в царскую казну. В отличие от горожан сельским жителям выплата части денежных средств была заменена натуральным налогом пшеницей, овсом, рожью и медом¹⁵. Однако уже в это время на Стародубщине встречались села,

полностью принадлежавшие частным владельцам. Жители таких населенных пунктов, являясь лично свободными, уплачивали подати державцу. Так, например, жители с. Лыщичи, в котором было 53 крестьянских двора, платили Киево-Печерскому монастырю «медвенным оброком на рок по десяти пудов»¹⁶.

К последней четверти XVII в. стародубский магистрат сложился окончательно и представлял собой сложный орган управления с четко оформленной иерархией. Так, в присяжных листах московским царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу 1682 г. наряду с войтом, пятью бурмистрами, семью райцами, писарем и четырьмя лавниками к присяге были приведены 22 «знатных мещанина». Вероятно, эти люди имели более высокий социальный статус по сравнению с обычными горожанами. Кроме того, двое из них – Савва Ермолаевич и Петр Лукьянович – записаны как «значные мещане Стародубовские»¹⁷. Видимо, их социальное положение было чрезвычайно высоким. На основании этого можно сделать вывод о том, что в конце XVII в. среди мещан Стародубщины сформировалась иерархия, которая являлась идентичной казацкому управлению, где представители старшины полка, не занимавшие никаких должностей, носили звания товарищей и значных товарищей Стародубовских. Учитывая сложившееся в регионе противоборство казаков и мещан (при котором первые пытались подчинить вторых, а вторые отстаивали независимость), такое положение вещей являлось вполне закономерным. Однако подобная система не смогла закрепиться в городах. В начале XVIII в. сведения о «значных мещанах» как об отдельном звании уже не встречаются. Вероятно, столь недолгим периодом существования данной системы объясняется и отсутствие ее подробного анализа в историографии.

Во второй половине XVII в. начался процесс объединения ремесленников Стародуба в цеха. Так с 1665 г. в городе образовались калачинский, ковальский, олейный и другие цеха во главе с цехмейстерами. Нехарактерным для других городов Гетманщины был организованный в Стародубе музыкальный цех. В него вошли не только городские, но и сельские музыканты. Члены цехов обладали определенными привилегиями, но в то же время использовались и для выполнения работ «на потребу войсковую» [4, с. 33–35].

С конца XVII в. в городах Стародубского полка наблюдается значительный экономический подъем, вызванный развитием торговли. Ежегодно в городах

¹³Переписные книги Стародуба, Погара, Почапа за 1665 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1665. Д. 73. Л. 1–1 об., 143–143 об.

¹⁴Там же. Л. 26–32, 139–141 об.

¹⁵Там же. Л. 144–281.

¹⁶Там же. Л. 282.

¹⁷Книга клятвенным обещаниям на принятие подданства государю императору Петру Великому гетмана, старшины, всего Запорожского войска, начальных и всяким чинам, ратным людям. 1682 г. // Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 54. Л. 243 об, 244.

Стародубе, Мглине, Почепе и Погаре проводились ярмарки, на которые съезжались купцы со всей Гетманщины и Московского государства. Основным товаром, поставляемым из Стародубщины, была пенька. На ее продаже разбогатели многие мещане, в том числе стародубский войт Спиридон Ширай¹⁸. Купцы поставляли пеньку в Москву, Речь Посполитую и Кёнигсберг. Также значительный доход приносило развитое на территории полка винокурение. Стародубское хлебное вино покупали по всей Гетманщине и в других областях Российской империи [4, с. 39].

Однако уже в начале XVIII в. стародубские купцы вынуждены были конкурировать со старообрядцами. Первые раскольники появились на территории полка еще в конце 1670-х гг. Благодаря знакомству со стародубским полковником они основали свою первую слободу – Понуровку. Затем появились и другие: в 1700 г. – Лужки, в 1701 г. – Зыбка (современный г. Новозыбков), в 1702 г. – Злынка, в 1706 г. – Клишцы [1, с. 496, 504, 505, 519] и др. Уже к 1715 г. в слободах насчитывались десятки дворов. Их жители занимались различными промыслами, торговали конопляным маслом, рыбой и солью [8, с. 279]. Первоначально правовое и социальное положение раскольников не отличалось от положения других посполитых полка. Они обладали теми же правами и несли такие же обязанности. При этом в среде старообрядцев было немало выходцев из московского купечества. Именно они, оценив выгодное географическое положение края, придали его торговле новый импульс¹⁹. Но вместе с этим они заставили потесниться на рынке традиционных стародубских купцов, что нанесло ощутимый удар по благосостоянию мещанского сословия.

В 1716 г. киевский губернатор князь Д. М. Голицын издал распоряжение, согласно которому раскольники записывались в оклад и освобождались от повинностей в пользу местных державцев [1, с. 499]. Из старообрядческих слобод была образована административная единица – «государевы описные малороссийские слободы». Руководство ею осуществляло волостное правление во главе с бурмистром, избираемым самими жителями [7, с. 63].

При этом следует отделять раскольников, селившихся на землях Стародубского полка с позволения гетмана и полковников, от значительного количества беглых крестьян, направлявшихся в регион со всех областей Российской империи. Отсутствие крепостного права, географическое расположение Стародубщины и возможность перейти за границу, а потом возвратиться в качестве выходцев из Литвы

очень притягивали низшие слои населения Московского государства. Возможно, многим таким беглым людям и удалось закрепиться на территории Стародубщины, но российские власти постоянно вели борьбу с этим явлением. Во время расследования, проведенного по указу Петра I в 1722 г., жители, чье происхождение вызывало сомнения, обязаны были давать подробные пояснения, старожилы сел – подписывать обязательства следующего содержания: «...о беглых великоросской породы людях... мы таковой то указ слышали, и про меж собою таких людей приискивали, и в нашем селе такой люде не обретаются, ни мужеска полу ни женского»²⁰. Данное обстоятельство указывает на специфику национального состава жителей Стародубщины начала XVII в.

В конце XVII в. начался вывод крестьянских земель из ведения ратуши. Этот факт еще больше ухудшил финансовое положение мещан. Гетман и стародубские полковники силой своей власти передавали бывшие ратушные земли казацкой старшине, иногда лишь в пользование, а те, в свою очередь, со временем узурпировали свои права на них. Так, только к 1729 г. из ведения Стародубской ратуши в 62 населенных пунктах были «розданы» 1807 крестьянских дворов. И это при том, что у магистрата после этого осталось лишь 907 дворов в 50 селах и деревнях [9, с. 19–44, 54]. Несложно понять, что доходы с «меских волостей» уменьшились в разы.

Несмотря на падающие доходы, мещане продолжали нести повинности на содержание казацкого войска. Так, в 1722 г. во время Ладожского похода со Стародубской, Погарской и других ратуш были собраны денежные поборы «на войсковых слуг, до войсковой арматы служителей, на селитру, кули и починку армат»²¹.

Многие из крестьян, составлявших «волоское посполитство», не желали переходить в подданство крупных землевладельцев. Вероятно, они видели в этом ущемление своих свобод и не исключали возможности попадания в крепостную зависимость. Та хоть и отсутствовала в Гетманщине, но в ней находилось большинство крестьянского населения в других областях Российской империи. Наиболее распространенным способом избежать зависимости от державцев был переход в казачество. Так начался процесс, обратный тому, что происходил во второй половине XVII в., когда казаки записывались «под ратушу». Проследить его можно на примере жителей с. Запольские Халеевичи. В данном селе, согласно переписным книгам 1666 г., насчитывалось лишь 6 дворов «тяглых и пашенных» людей²².

¹⁸Бирюков С. Н. Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. С. 36.

¹⁹Там же. С. 41.

²⁰Дело о розыске беглых селян в Стародубском полку. 1722 г. // ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 833. Л. 44 об.

²¹Доношение в Малороссийскую коллегію о выдаче денежного жалования и расходах в Стародубском полку за 1722 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 6. Д. 107. Л. 1–2.

²²Переписные книги Стародуба, Погара, Почепа за 1665 г. // Там же. Оп. 1. 1665. Д. 73. Л. 174–174 об.

Часть из них уже были выходцами из казачества²³. К 1721 г. количество тяглых ратушных крестьян села возросло до 20 дворов²⁴ в основном за счет перешедших «под ратушу» казаков²⁵. Однако в начале 1730-х гг. было принято решение о передаче с. Запольские Халеевичи генеральному бунчужному Семену Галецкому²⁶. Воспротивившиеся этому в абсолютном большинстве жители села «вспомнили» о своем казацком происхождении. И уже в ревизии 1740 г. подавляющее число бывших крестьян оказались записаны в казачье сословие²⁷, а повинности на пользу ратуши в 1741 г. несли лишь три двора одной семьи²⁸.

В то же время переход в казачество не мог устраивать многих жителей ввиду необходимости несения в данном сословии военной службы, требовавшей значительных финансовых затрат. Этим пользовались крупные землевладельцы. На своих необжитых территориях они начали основывать слободы и привлекать туда обедневшее население из соседних сел и деревень. Первопоселенцам таких слобод предоставлялись большие земельные наделы и освобождение от несения каких-либо повинностей в течение нескольких лет. Продолжая историю жителей с. Запольские Халеевичи, можно привести пример основания Киево-Печерской Лаврой в 1743 г. слободы Маркияновка²⁹ на соседних с их селом землях. Переехавшие в нее бывшие казаки были записаны уже посполитыми. Но в 1749 г. еще «окладу никакого не платят только пригон по возможности отбывают»³⁰. Однако по истечении льготного налогового периода эти крестьяне попадали в еще большую зависимость, чем была у них на прошлом месте жительства. Ведь там они работали на земле, которую получили в наследство от своих предков, и тем самым хотя бы формально могли противостоять увеличивавшимся поборам со стороны державца. Здесь же они оказывались совершенно бесправными, ведь в слободах земля изначально принадлежала владельцу и он мог устанавливать кабальные налоги за ее использование. Так, в 1767 г. в той же слободе Маркияновке, насчитывавшей к тому времени всего 21 двор, жители только «за землю и выполнение подданнических повинностей» платили Киево-Печерской Лавре 25 руб. в год, а также консистенский

оклад на комиссариат Стародубского повета 25 руб. через год со всей деревни³¹.

Сумма налогов, уплачиваемых деревней, делилась между жителями в зависимости от размеров принадлежащего им грунта и количества дворов. Для определения степени зажиточности крестьян существовало разделение на несколько категорий. Грунтовые (можногрунтовые, среднегрунтовые, малогрунтовые) крестьяне – это самые богатые посполитые, владеющие землями. Крестьяне, не имевшие пахотной земли, но жившие с каких-либо промыслов, учитывались как «подсосудки-огородники», которые «в повинностях помощенствуют». Наиболее бедная прослойка населения, не имевшая ни пахотной земли, ни промыслов и огородов, часто жившая в чужих дворах и работавшая на других жителей села, называлась «подсосудки весьма нищетные», которые «в повинностях не помощенствуют»³².

Кроме описанных повинностей посполитое население несло обязанность личной помощи в военных нуждах. Так, во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. крестьяне и мещане Стародубщины использовались как рабочая сила при восстановлении укреплений разрушенного г. Очакова, их направляли для строительства крепостей Украинской линии. Крестьян отправляли в армию в качестве погонщиков волов, собранных на этой же территории [10, с. 106–109]. Подобная практика продолжилась во время Семилетней войны 1756–1763 гг.³³ и Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.³⁴

К середине XVIII в. положение магистрата в Стародубе сильно изменилось. Он фактически утратил привилегированное положение: в 1740 г. ратушные села были отобраны «на корону»³⁵, судебная власть полностью перешла к полковому казацкому правлению. Представители мещанской верхушки города, ставшие к тому времени уже крупными землевладельцами, начали активно записываться в казачество, получая военные чины и переставая платить налоги магистрату. Уже в 1767 г. многие выходцы из мещанской среды, получившие от предков высокий социальный статус, записаны казаками. Это войсковые товарищи Лайкевич, Гуриновский, Коменко, значковый товарищ Воскобойник и многие

²³Книга вечистых справ за 1700 г. // ЦДІАК. Ф. 208. Оп. 1. Спр. 35. Л. 85.

²⁴Книга переписная Черниговских сел и деревень за 1721 г. // АВПРИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 62. Л. 160.

²⁵Дело о казачестве жителей с. Душкино. 1738 г. // ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 6772. Л. 56.

²⁶Ревизия Стародубского полка за 1737 г. // Там же. Ф. 80. Оп. 2. Спр. 321. Л. 267.

²⁷Ревизия Стародубского полка за 1740 г. // Там же. Спр. 314. Л. 197–198.

²⁸Реестр ревизии Малороссийских полков за 1741 г. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1850. Л. 861 об.

²⁹Метрические книги Киево-Печерской Лавры за 1743 г. // ЦДІАК. Ф. 128. Оп. 4 Вот. Спр. 67. Л. 168.

³⁰Инвентарная опись вотчин лавры в Стародубском полку за 1749 г. // Там же. Спр. 98. Л. 19 об.

³¹Опись Новоместской сотни Стародубского полка за 1767 г. // Там же. Ф. 57. Оп. 1. Спр. 118. Л. 1146 об.

³²Ревизия Стародубского полка за 1740 г. // Там же. Ф. 80. Оп. 2. Спр. 314. Л. 460–461.

³³Исповедные ведомости Киево-Печерской Лавры за 1758 г. // Там же. Ф. 128. Оп. 4 Вот. Спр. 136. Л. 1121 об.

³⁴Именной список погонщиков, набранных в Стародубском полку 1769 г. // Там же. Ф. 80. Оп. 2. Спр. 43. Л. 17.

³⁵Бирюков С. Н. Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. С. 52.

другие [5, с. 44–46]. Еще раньше в число казацкой старшины полка вошли самые богатые мещане Стародуба Шираи и Скорупы³⁶. При этом все они не оставляли торговых промыслов.

Во время правления российской императрицы Екатерины II вся Гетманщина, в том числе Стародубщина, подверглась значительным изменениям. Генеральная опись Малороссии 1767 г. навсегда закрепила жителей Стародубского полка в сословии, в котором они находились на тот момент. Таким образом, возможность перехода посполитых в казачество и наоборот исключалась. В 1781 г. полковое деление в Гетманщине было отменено, в 1783 г. посполитые были закреплены за землей, на которой жили. Фактически история лично свободных крестьян Стародубщины на этом была закончена. Бывшие ратушные крестьяне были причислены к государственным. В 1786 г. это сословие пополнилось монастырскими крестьянами, жившими на церковной земле, в результате ее секуляризации. Остальные посполитые, находившиеся на тот момент в подданстве крупных землевладельцев, попали к ним в крепостную зависимость.

Жившие в городах мещане остались в своем сословии. Кроме того, раскольничьи слободы получили статус посадов и их жители также были причислены к мещанам³⁷. Представители городской знати получили возможность подавать прошения о причислении их к дворянству Российской империи. Многие из потомков знатных мещан, слившихся к тому времени с казацкой старшиной, получили дворянство согласно казачьим чинам. В их

числе – Шираи, Скорупы и др. Другая часть хоть и оставалась в своем сословии, но владела значительными земельными наделами с подданными. На этом основании к дворянству были причислены потомки стародубского войта Демьяна Ермолаевича Стоколенка, владевшие грунтами и мельницами в с. Пятовске³⁸.

Таким образом, к середине 1780-х гг. жители Стародубщины полностью утратили свою социально-правовую специфику и, по крайней мере формально, слились с остальным населением Российской империи.

Можно сделать вывод о том, что социальная история Стародубщины имеет ярко выраженные особенности, связанные с географическим расположением региона. Здесь установилась прогрессивная система социальных взаимоотношений, которая с 1654 г. развивалась и модернизировалась. Однако с начала XVIII в. в результате общеимперских реформ она пошла по пути возвращения архаичных норм, действовавших в тот момент на территории всей Российской империи. В этом проявилась скорее не имперская модернизация, а упрощение и ухудшение социально-правовой системы (утверждение крепостничества и ограничение прав горожан), поскольку в рамках гетманской Украины социальная структура края была адекватной времени и условиям развития. В результате уже к концу XVIII в. социальное положение жителей Стародубщины слилось с положением остального населения империи, а социальный прогресс края был заморожен.

Библиографические ссылки

1. Лазаревский АМ. *Описание старой Малороссии. Полк Стародубский*. Белые Берега: Белобережье; 2008. 560 с.
2. Модзалевский ВЛ, редактор. Отрывки из Стародубовской меской книги за 1664–1673 гг. *Труды Черниговской губернской архивной комиссии*. 1909–1910. 1911;8:71–105.
3. Мяло ИИ. Стародуб. *Историко-экономический очерк о г. Стародубе и Стародубском районе*. Брянск: Брянский рабочий; 1951. 44 с.
4. Пиріг П. Соціально-економічний розвиток Стародуба в другій половині XVII століття. *Сіверянський літопис*. 2011;6:33–43.
5. Кривошея І. Неурядова старшина Гетьманщини і міщанська верхівка в середині XVIII ст. (на прикладі м. Стародуба). *Сіверянський літопис*. 2009;2-3:40–48.
6. Сердюк Ю. *Полкових городів обивателі: історико-демографічна характеристика міського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст.* Полтава: АСМІ; 2011. 304 с.
7. Волошин Ю. *Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект*. Москва: Археодоксия; 2005. 285 с.
8. Лилеев МИ. *Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.* Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого; 1895. 596 с.
9. Лазаревська КО. *Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку*. Київ: Друкарня ВАН; 1929. 576 с.
10. Репан О. *Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 рр.* Київ: Києво-Могилянська академія; 2009. 195 с.

³⁶Бирюков С. Н. Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. С. 37, 46.

³⁷Там же. С. 86.

³⁸Исповедные ведомости Стародубского уезда за 1831 г. // Держав. арх. Черніг. обл. Ф. 679. Оп. 1. Спр. 535. Л. 1010.

References

1. Lazarevskii AM. *Opisanie staroi Malorossii. Polk Starodubskii* [Description of old Little Russia. Starodubsky Regiment]. Belye Berega: Beloberezh'e; 2008. 560 p. Russian.
2. Modzalevskii VL, editor. [Excerpts from the Starodubov city book for 1664–1673]. *Trudy Chernigovskoy gubernskoy arkhivnoy komissii. 1909–1910*. 1911;8:71–105. Russian.
3. Myalo II. Starodub. *Istoriko-ekonomicheskii ocherk o g. Starodube i Starodubskom raione* [Historical and economic essay on the city of Starodub and Starodubsky district]. Bryansk: Bryanskii rabochii; 1951. 44 p. Russian.
4. Pyrig P. [Socio-economic development of Starodub in the second half of the 17th century]. *Siverjans'kyj litopys*. 2011;6: 33–43. Ukrainian.
5. Kryvosheja I. [Non-governmental hetman of the Hetmanate and the bourgeois top in the middle of the 18th century (on the example of Starodub city)]. *Siverjans'kyj litopys*. 2009;2-3:40–48. Ukrainian.
6. Serdjuk IO. *Polkovyh gorodov obyvateli: istoryko-demografichna harakterystyka mis'kogo naselennja Get'manshhyny dru-goi' polovyny XVIII st.* [Regimental cities Philistines: historical and demographic characteristics of the urban population of the Hetmanate of the second half of the 18th century]. Poltava: ASMI; 2011. 304 p. Ukrainian.
7. Voloshin Yu. *Gosudarevy opisnye malorossiiskie raskol'nicheskie slobody (XVIII v.): istoriko-demograficheskii aspekt* [The sovereigns of the described Little Russian schismatic settlements (18th century): the historical and demographic aspect]. Moscow: Arkheodoksiya; 2005. 285 p. Russian.
8. Lileev MI. *Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'e XVII–XVIII vv.* [From the history of the split on Vetka and Starodubye of the 17th–18th centuries]. Kyiv: Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo; 1895. 596 p. Russian.
9. Lazarevs'ka KO. *General'ne slidstvo pro majetnosti Starodubs'kogo polku* [General investigation of the property of the Starodub regiment]. Kyiv: Drukarnya VAN; 1929. 576 p. Ukrainian.
10. Repan O. *Irzha na lezi: livoberezhne kozactvo i rosij's'ko-turec'ka vijna 1735–1739 rr.* [Rust on the blade: left bank cos-sacks and the Russo-Turkish War of 1735–1739]. Kyiv: Kyjevo-Mogyljans'ka akademija; 2009. 195 p. Ukrainian.

Статья поступила в редколлегию 31.05.2021.
Received by editorial board 31.05.2021.